

В. И. АБАЕВ

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ *кърчий* «КУЗНЕЦ» И ТОПОНИМ *кърчь*

В большинстве славянских языков наименование кузнеца представляет простое образование от глагола *ковать*: ст.-слав. *коваль*, *ковачь*, др.-русс. *коваль*, *ковачь*, укр. *коваль*, белорусск. *коваль*, польск. *kowal*, чеш. *kováč*, *kováč*, серб. *kováč*, *kováč*, болг. *ковач*. Формы *коваль*, *ковач* употребительны и в русском языке, в диалектах и говорах. Даль отмечает *коваль* для южных говоров, а *ковач* — для восточных. У него же дана форма *ковец* для псковского. В русском литературном языке закрепилось другое слово — *кузнец*. Оно образовано от того же глагола *ку-*, *ков-*, но не непосредственно, а через производное **ku-sni-* «кузня»¹. Наконец, в древнерусском известно еще одно название для кузнеца, которое не может быть поставлено ни в какую связь с *ковать* и имеет какое-то иное происхождение: *кърчий*, *корчий*. В древнерусском оно было довольно обычным, употребляясь наряду с *кѣзнецъ* (*кѣзньць*, *кѣзуньць*) и *ковачь*.

Заемствуем из «Материалов» И. И. Срезневского несколько случаев употребления слова *кърчий*: «Бѣ же нѣкто моужь в веси тои искоусень корчи» (Жит. Фед. Сик. 27. Мин. Чет. апр. 396); «Яко же желѣзо крьчии...» (Ио. Леств. XII в.); «Кол'ма бивасма есть наковадна млатом ѿ корчїа» (Жит. св. XVI в.); «... крьчиѣ, иже дѣлают' коуюжде вещь» (Ио. экз. Шест. 1263)². Производным от *кърчий* является др.-русс. *кърчишница* «кузница»³.

Этимологию слова *кърчий* нельзя считать прочно установленной. Большинство авторов (Фик, Остгоф, Бернекер, Эндзелин, Траутман, Педерсен) усматривают в этом слове и.е. корень **k^{wer}-* «делать» и приводят др.-инд. *kṛñōti*, *karōti* «делает», литов. *kuriù*, *kūrti* «строить», кимр. *peri* «делать», *prydydd* «поэт», ирл. *creth* «поэзия»⁴. Эту этимологию не принимают Брюкнер и Сольмсен, на которого ссылается Брюкнер⁵. Разумеется, от глагола с абстрактнейшим значением «делать» можно вывести все, что угодно, в том числе «кузнеца» и «поэта», поскольку и кузнец, и поэт что-то делают. Однако в ближайше родственных балтийских языках можно было бы ожидать семантической близости. От литов. *kūrti* «строить» до «кузнеца» смысловая дистанция слишком велика.

Известное неудовлетворение, которое оставляет данная этимология, побудило Кнутссона предложить другое разъяснение. Он видит в *кърчий* заимствование из тюркского, имея в виду тюрк. *qu(r)č* «острый», «сталь»

¹ Ср. E. Zupitza, Miscellen, KZ, Bd. XXXVII, Neue folge, Bd. XVII, Hf. 3, Gütersloh, 1901, стр. 397.

² И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, М., 1893, ст. 1412.

³ Там же.

⁴ К этой точке зрения присоединяется и М. Г. Долобоко, не приводя, однако, никаких новых доводов в ее пользу (см. его статью «Славянский суффикс *-i-m-*», «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского», сб. ОЯС, т. CI, № 3, 1928, стр. 229).

⁵ A. Brückner, Über Etymologien und Etymologisieren. II, KZ, Bd. 48, Hf. 3—4, Göttingen, 1918, стр. 191 и сл.

и суффикс действующего лица *-či*. Исходное значение было бы в этом случае «кузнец по стали»¹. Этимология была бы убедительной, если бы или на тюркской почве встречалось слово *kurčči* «кузнец по стали» или в славянском — заимствованное тюркское *kurč* (*кърч-*) в значении «сталь». Ни того, ни другого нет в действительности, т. е. не хватает необходимого посредствующего звена. К тому же для русского заимствование тюркского *kurč* «сталь» было бы мало оправданным излишеством, так как в нем имелось для «стали» оригинальное *уклад* и заимствованное из тюркского *булат*. Нет также никаких указаний, что в древнерусском *кърчии* обозначало кузнеца именно по стали.

В целом вопрос о происхождении слова *кърчии* нельзя считать решенным, и новые попытки его разъяснения с привлечением новых материалов представляются поэтому нелишними. Нам кажется, что лучшие перспективы для этого открывает привлечение осетинского *kurd* «кузнец». При учете древней скифо-славянской близости полное совпадение значения и чрезвычайная близость формы (*кърчии* можно возводить к **kur-tjo-*, а осет. *kurd* к **kur-to-*) вряд ли могут быть случайными. Скорее всего, перед нами одна из скифо-славянских изоглосс.

Осет. *kurd* нельзя фонетически связать с и.-е. **kwer-* «делать». Здесь следует исходить из корня **kur*. Такой корень действительно имеется на иранской почве со значением «огонь», «кузнечный горн» и пр. Мы имеем в виду прежде всего перс. *kūra* «кузнечный горн», «кузница», «очаг». Среднеперсидская форма восстанавливается в виде **kūrak*. Армянское *krak* (из *kurak*) «огонь», которое Гюбшман считает оригинальным армянским словом², могло быть заимствованием из среднеиранского. Далее сюда относятся др.-инд. *kūḍayati* «жжет», «палит» (из **kūr-d-*), ст.-слав. *kuriti* «дымить», *kurenje* «горящие уголья», русск. *куритъ* «жечь что-либо, производя дым», *куритъ вино* «гнать водку», укр. *печкур* «истопник», *курачити* «выжигать уголь», словен. *kuriti* «топить», словац. *kurit'* «топить», литов. *kūrti* «топить», латыш. *kurt* «топить», гот. *hauri* «уголь» (мн. число *haurja* «горящие уголья»), др.-сев. *hyrr* «огонь».

Осет. *kurd* можно возводить к **kurta-*, т. е. рассматривать как отглагольное имя от несохранившегося др.-иран. **kur-* «разжигать огонь» и пр. Хотя причастия на *-ta* имеют обычно пассивное значение, но есть вполне надежные случаи активного значения; например, *sinon-xast* «виночерпий», буквально «носящий (*xast*) кубок (*sinon*)»³. Можно было бы исходить также из имени действующего лица **kurtar-*, но в этом случае во множественном числе мы ожидали бы *kurdæltæ* (как от *mad* «мать» — *madæltæ*), в действительности же имеем *kurdta*. Во всяком случае отглагольное происхождение формы *kurd* вряд ли может вызвать сомнение, а таким глаголом мог быть только глагол **kur-* «разжигать огонь», выступающий в приведенной выше группе слов. Но если так, то поиски этимологии славянского *кърчии* привели нас, через осетинский и иранский материал, снова на славянскую почву, к глаголу *kuriti* «разжигать огонь». Конечно, нет необходимости возводить слово *кърчии* обязательно к индоевропейской словообразовательной модели (тип **kur-tjo-*⁴). Если считать вместе с Бернекером, что *kuriti* вторичное образование от *kūrti*⁵, то *кърчии* оказывается в ряду таких отглагольных имен, как *зодчий* (< **zōdčīi*) от *здать*, *гончий* от *гнать*, *ловчий* от *ловить*, *страпчий* от *страпать*, и т. п. Относительно этих образований нет единодушия.

¹ K. Knutsson, Zur slavischen Lehnwörterkunde, ZfslPh, Bd. 4, Hf. 3—4, 1927, стр. 387—388.

² H. Hübschmann, Armenische Grammatik, T. I, Leipzig, 1897, стр. 462.

³ См. статью «О залоговой недифференцированности причастий» в сб.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 570—571.

⁴ О форманте *-tjo* см., например, W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I, Göttingen, 1906, стр. 444.

⁵ E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1924, стр. 652.

А. И. Соболевский усматривал в них заимствованный тюркский суффикс деятеля *-çi*¹. Другие считают возможным видеть здесь вторичные образования от имен деятеля на *-ьць-* (*ловчий* от *ловьць* и т. п.)²; ср. такие русские пары, как *ловец* — *ловчий*, *кравец* — *кравчий*, *гонец* — *гончий*, *певец* — *певчий* и др. Бернекер считает *кърчии* производным от **кърьць*³, по никаких следов слова **кърьць* пока в памятниках не обнаружено.

Таким образом, словообразовательная сторона нашей этимологии допускает несколько вариантов. Одной из возможностей является позвонение к **kurtjo-* с последующим ассимилирующим влиянием имен деятеля на *-чии*. Однако детали словообразования не имеют для нас здесь особого значения. Существенны два положения: 1) др.-русск. *кърчии* нельзя отделять от скиф. **kurt-* (осет. *kurd*); 2) в основе этих слов следует видеть не *kr-* «делать», а *kur-* «разжигать огонь».

Семантическая сторона предложенного разъяснения не может, как нам кажется, вызвать возражения. В работе кузнеца ялицо два важнейших действия: разжигание огня в горне и ковка металла. Славянские *ковач*, *кузнец* и пр. определяют кузнеца по последнему действию, *кърчии* — по первому. И в других языках при наречении профессии кузнеца выступает на первый план либо то, что он имеет дело с металлом, либо то, что он имеет дело с огнем. Так, в персидском обычным словом для кузнеца является *āhangar* от *ahan* «железо». Но наряду с этим есть *ātašgar*, *ataškar* «кочегар», «кузнец» от *ataš* «огонь».

Но если в славянском с давних пор кузнец назывался терминами, производными от *ковать* (*ковач*, *коваль*, *кузнец*), зачем понадобилось еще слово *кърчии*? Ведь известно, что язык не любит излишеств, он, как правило, не терпит двух слов с совершенно идентичным значением, в особенности в области материальной культуры. Возможно, между *кърчии* и *ковач* и пр. было какое-то различие значения. Оно, несомненно, было связано с какими-то реальными различиями в ремесле кузнеца.

Археологические данные позволяют думать, что в эпоху меди обработка металла состояла не в ковке, а в плавке и литье. Лишь с появлением железа ковка стала основным элементом работы кузнеца⁴. Естественно, что для наименования кузнеца, занимающегося преимущественно плавкой и отливкой металла, совершенно не подходили производные от глагола *ковать*. Зато огонь был и в этом случае необходимым и неотъемлемым элементом кузнечного дела.

Можно высказать догадку, что *кърчии*, производное от **kur-* «огонь», и было первоначально обозначением кузнеца, занимавшегося не ковкой, а плавкой и литьем металла. В этом случае этот термин мог быть очень древним и общеславянским, лишь со временем вытесненным образованиями от *ковать*. Иначе говоря, *кърчии* — это кузнец эпохи меди и бронзы, тогда как *коваль*, *ковач*, *кузнец* отражают новый этап кузнечного ремесла, связанный уже с эпохой железа.

*

Город *Керчь* в Крыму назывался в древнерусском *Кърчесь*, *Корчесь*. В известной надписи на Тматороканском камне читаем: «В лѣто 6576 (=1068) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тматорокани до Кърчє-

¹ А. С о б о л е в с к и й, [рец. на кн.:] С. Булич, Церковно-славянские элементы в современном литературном и народном языке, ЖМНП, 1894, май, стр. 218 первой пагин.

² А. M e i l l e t, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, pt. 2, Paris, 1905, стр. 352.

³ Е. B e р н е к е р, указ. соч., стр. 671.

⁴ M. M u c h, Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältnis zur Kultur der Indogermanen, 2. Aufl., Jena, 1893, стр. 353 (приводим по книге: O. S c h r a d e r, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2. Aufl., Bd. II, Berlin und Leipzig, 1923, стр. 329—330).

ва — 8054 сажен»¹. Это название возводят к русск. *корчевá* «место, расчищенное от пней и кустарника», ср. *корчевать*², сопоставляя с названием городка *Корчева* в Калининской области (ныне на дне Московского моря)³.

Перед нами неплохой пример того, к каким курьезам приводит игнорирование реалий в этимологических разъяснениях. Можно подумать, что русские, появившись впервые в районе Керчи, нашли здесь дремучий лес, и первой их заботой было корчевание пней для расчистки земли под поселение. Исторические и археологические данные рисуют совсем другую картину. Район Керчи был одной из древнейших культурных областей, какие известны на территории Советского Союза. Еще в VI в. до н. э. греческие колонисты, выходцы из Милета, заложили на месте нынешней Керчи город Пантикапей (*Παντικάπαιον*). С первых веков нашей эры этот город под названием Боспора был столицей Боспорского царства. К первому веку н. э. относится описание Страбона VII 4: «Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный (*περιοιχομένης*)». Область Пантикапея Страбон рисует не как богатую лесом, а как богатую хлебом (*σιτοφόρος*)⁴. О каких-либо лесных зарослях в районе города ничего не известно. Зато известно, что керченская земля была богата железной рудой, а город славился ремеслами. Русским в древнем Пантикапее должно было броситься в глаза не обилие пней, а обилие железа и кузнецов. Совершенно очевидно, что *Кърчев* — производное от *кърчий* «кузнец» и на современном языке означает «Кузнецк».

Нынешнюю форму *Керчь* нельзя рассматривать как органическое развитие на русской почве древнерусской формы *Кърчев*⁵. Когда, с концом Тматороканской Руси, связи русского населения с восточным Крымом временно были прерваны, русское название *Кърчев* в устах нерусского населения было искажено и в виде *Керчь* снова вошло в русский язык, но уже без осознания его русской этимологии, чему способствовало, конечно, то, что слово *кърчий* «кузнец» вышло из употребления

¹ Цитируем по книге: «Повесть временных лет», ч. 2, М.—Л., 1950, стр. 394.

² Ср.: В. Unbegaun, Les nomes des villes russes: la mode grecque, RESI, 1936, t. 16, fasc. 3—4, стр. 226; М. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1953, стр. 552, 636.

³ М. V a s m e r, указ. соч., стр. 637.

⁴ См. В. В. Л а т а н с е в, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890, стр. 124.

⁵ Вопреки М. Фасмеру (указ. соч., стр. 552).